

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЮГА РОССИИ

MUSIC CULTURE OF THE SOUTH RUSSIA

А. Аракельян

ЕСТЬ ЛИ У НЕКРАСОВСКИХ КАЗАКОВ МНОГОГОЛОСИЕ? (Опыт исследования техническими средствами)

A. Arakelyan

DO NEKRASOV COSSACKS POLYPHONY? (Research experience technical means)

Песенное творчество казаков-некрасовцев остается одной из актуальных проблем современной фольклористики. Уникальная судьба этой этнографической группы казаков и, как следствие, оригинальная культура постоянно привлекают внимание исследователей и широкой общественности. Вместе с тем публикации по этой проблеме единичны и не снимают пока многих возникающих вопросов.

Ключевые слова: казаки-некрасовцы, осциллограмма, многоголосие, диссонанс, гетерофония

Traditional songs of the Nekrasov Cossacks remain one of the topical issues of the modern folklore studying. This ethnic group's amassing lines and the original culture draw attention of the researches and audience. At the same time the publications on the issue are fragmentary and leave many questions open.

Key words: Nekrasov Cossacks, oscillogram, polyphony, dissonance, geterofoniya.

Наука начинается там,
где начинается измерение.

Д. И. Менделеев

Некрасовцы являются потомками булавинского восстания на Дону, которое было одним из крупнейших в феодальной России. Песни некрасовцев, как и сама их история, вызывают особый интерес с музыкальной точки зрения, открывая перед нами новые пути в изучении таких важнейших вопросов русской народной музыки как формирование многоголосия, лада, ритмики и т. д.

Известно, что наиболее достоверными записями народных песен для изучения многоголосия являются записи, сделанные при помощи фонографа и магнитофона за последние 100 лет. Ведь до начала XX века многоголосие русской народной песни не только не изучалось, но даже не всеми музыкантами признавалось как реально существующий факт. Полифоничность русской народной песни не сразу была признана.

Впервые высказанное в 1879 году Ю. Н. Мельгуновым мнение о полифонии в народной музыке было встречено с большим недоверием. По адресу Ю. Н. Мельгунова в музыкально-культурных кругах раздавались негодующие возгласы о «сумасбродстве», о «варварстве». В

работах Ю. Н. Мельгунова и А. М. Листопадова, посвященных русской народной песне, можно встретить множество указаний на то, что в ходе заседаний Географического общества по проблемам музыкального фольклора не раз дебатировался вопрос: многоголосна ли вообще русская народная песня? Стремление собирателей и исследователей русской народной песни в прошлом сохранить полное главенство мелодического начала приводило к отрицанию каких бы то ни было элементов гармонии в народных песнях.

Учитывая исторически сложившиеся обстоятельства жизни некрасовцев (эмигрировавших в Турцию более двух веков назад), все сказанное убедительно доказывает, что выяснение вопроса о многоголосии песен у казаков-некрасовцев будет иметь большое научное значение. Оно поможет ответить на главный вопрос – существовало ли многоголосие на Дону в момент ухода некрасовцев? Именно этот вопрос, возникающий при ознакомлении и изучении песенного творчества казаков-некрасовцев, мы и хотим рассмотреть.

Во второй половине прошлого века, в связи с развитием технических средств, фольклористы при записи песен стали применять многоканальные магнитофоны с узконаправленными микрофонами, что способствовало более глубокому познанию русских народных песен, в том числе и многоголосия (см. [15]).

В книге «Образцы народного многоголосия» И. И. Земцовский, говоря о максимальной тщательности нотации звукозаписи, подчеркивает: «...надо не забывать, что нотная фиксация никогда не будет адекватной, и потому необходимо пользоваться любой возможностью дополнить ее, обогатить тем или иным описанием...». Далее он предлагает «...каждую публикацию песен сопровождать грампластинкой, фотографиями исполнителей, очерком их жизни и творчества, акустическими обмерами интервалов и т. д.» [8, 5].

Трудно не согласиться с высказываниями автора, так как применение измерительных приборов в музыке, в частности в фольклоре, может способствовать решению многих проблем современного музыковедения. В начале 70-х годов прошлого века на заседании фольклорной секции Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиКа) И. И. Земцовским было высказано пожелание показать многоголосие песен у некрасовцев с помощью технических средств – визуально, ибо в те годы вопрос о многоголосии песен в творчестве казаков-некрасовцев являлся полемическим и рассматривался фольклористами по-разному. Дdiamетрально противоположных взглядов придерживались А. М. Листопадов, Т. И. Сотников, Ф. В. Тумилевич и другие. А. М. Листопадов по этому вопросу писал о том, что песни казаков-некрасовцев развивались «в одном направлении» и «с одинаковой интенсивностью», как и песни донского казачества, и что «многоголосие свойственно всем некрасовским песням...» [11, 30]. Убежденный в существовании единого донского стиля и рассматривая песни казаков-некрасовцев, в основном ничем не отличающиеся от донских народных песен, с одинаковых позиций, А. М. Листопадов записал и опубликовал их, как и донские, в многоголосном изложении [10, 18; 11, 26–34, 80–81].

Неутомимый собиратель и знаток некрасовских песен Ф. В. Тумилевич по этому поводу пишет иное: «Ошибочность суждений А. М. Листопадова о некрасовской песне, ее многоголосии, языке, историческом развитии – результат незнания им литературы о казаках-некрасовцах и краткосрочного (4-х дневного) пребывания на хуторе Ново-Некрасовском в 1940 году. Свои выводы он не проверил, так как больше у некрасовцев не был» [12, 205].

Diamетрально противоположной А. М. Листопадову точки зрения придерживается композитор Т. И. Сотников, который при исследовании музыки песен казаков-некрасовцев делает следующие выводы:

«1. Некрасовские песни сохранились в том виде, в каком они были к моменту ухода некрасовцев с Дона.

В некрасовских песнях нет многоголосия.

Следовательно, в момент ухода некрасовцев с Дона на Дону не было многоголосия» [12, 195–196].

Т. И. Сотников пришел к заключению, пишет Ф. В. Тумилевич, что «у некрасовцев нет многоголосия, и это дает основание предположить, что русская народная песня, по крайней мере, ее донская ветвь в начале XVIII века была еще одноголосной, а многоголосие сложилось позже. Некрасовцы увезли в Турцию одноголосную песню и такой привезли ее на родину. За время их отсутствия сложилось многоголосие...» [17, 22].

Этой же точки зрения придерживается и сам Ф. В. Тумилевич. Он пишет: «Песня некрасовцев одноголосна, в отличие от донской. Многоголосие донской песни возникло только после ухода некрасовцев... Предки некрасовцев унесли с собой песню и мелодию, какой она была в России и на Дону. Некрасовцы-потомки сохранили текст песен и мелодию. Она оказалась одноголосной» [16, 195–196].

В статье «О русской народной подголосочной полифонии в конце XVIII – начале XIX века» профессор Е. В. Гиппиус по данному поводу пишет: «Замечание это вызывает полное недоумение. Как можно бросать вскользь, бездоказательно столь ответственное историческое предположение, совершенно неубедительно. Как можно из частного факта одноголосного пения небольшой группы казаков-некрасовцев делать подобное широкое историческое обобщение...» [7, 93, 95].

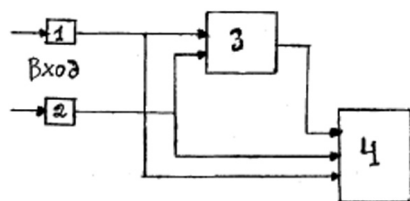
По мнению Б. М. Добровольского, который, к сожалению, не приводит никаких доказательств в подтверждение своей мысли, «донской песне в XVIII веке было свойственно многоголосие, а затем оно было заменено одноголосием по настоянию Игната Некрасова» [12, 423]. И, наконец, в статье «Судьба донской песни» Б. Н. Путилов пишет: «Может быть, в силу каких-то обстоятельств некрасовцы утратили многоголосие, которое уже было распространено на Дону к моменту их ухода, и, следовательно, их манера пения представляет собой вторичное образование?» [14, 174].

К сожалению, мы не располагаем записями песен допетровских времен для сравнительного изучения и выявления истины. Тем не менее,

некрасовцы очень любят петь хором или ансамблем, но для этого встречаются лишь по случаю – на праздниках, беседах, свадьбах, застольях... До недавнего времени расхождения звуков (диссонансы) при одновременном исполнении одной и той же мелодии несколькими исполнителями определяли исключительно на слух, то есть субъективно, и не оценивали количественно.

При определении диссонанса на слух, в силу индивидуальных способностей человека и определенного опыта, не всегда возможно быстрое и точное, а также объективное установление расхождения и, тем более, количественная оценка степени расхождения звуков. С этой целью в Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова было создано «Устройство для определения диссонансов»¹ – специальный прибор с использованием узконаправленных микрофонов, который позволяет во время исполнения песни в унисон несколькими исполнителями объективно точно установить и регистрировать степень расхождения по высоте звучания. При этом тембр звуков на частоту биения не влияет.

Структурная схема устройства

Устройство работает следующим образом: для определения диссонансов исполнители одновременно в унисон исполняют одну и ту же мелодию в микрофоны 1 и 2. Сигналы от микрофонов подаются на балансный смеситель 3, откуда сигналы с частотой биений поступают на общий вход регистрирующего прибора 4. Кроме этого, сигналы от микрофонов 1 и 2 подаются на соответствующие входы многовходового регистрирующего прибора 4. В балансном смесителе 3 происходит наложение звуковых частот, создаваемых исполнителями, и выделение разностного сигнала с частотой биения, который совместно с сигналами от микрофонов 1 и 2 фиксируется регистрирующим прибором 4, показывающим величину расхождения звуков. Таким

¹ Аракельян Е. Устройство для определения диссонансов: Авторское свидетельство № 581488 (заявителем на изобретение выступил Ростовский государственный музыкально-педагогический институт). Позже на основе «Устройства» был создан тренажер «Ода» («Определитель диссонансов Аракельяна») для развития музыкального слуха с обратной визуальной связью, отмеченный бронзовой медалью ВДНХ СССР (см. [5, 71–72; 1]).

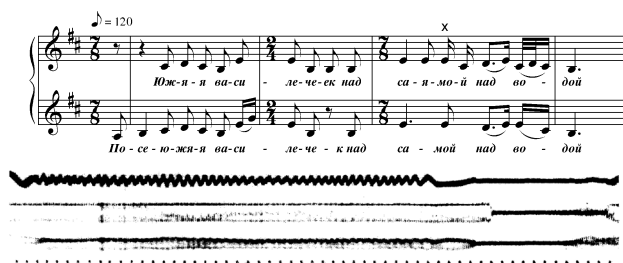
образом, происходит точное выделение и измерение диссонансов.

В случае необходимости документальной регистрации выходной сигнал от балансного смесителя, а также сигналы от микрофонов подаются на самопишущий прибор, затем – на бумагу или фото пленку.

Приводим два фрагмента выполненных на фото пленке осциллограмм некрасовских песен «Посею ж я василёчек» и «Вдоль по речке» в исполнении дуэтов. Следует заметить, что некоторые расхождения звуков (диссонансы) не сразу были обнаружены – только при тщательном повторном прослушивании и по показаниям осциллограмм нам удалось добиться более точной расшифровки.

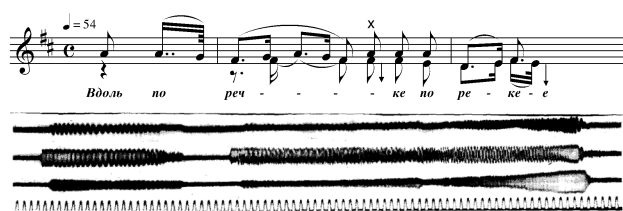
К сожалению, не все осциллограммы качественно совершенны, но документально достоверны.

1-й пример – «Посею ж я василёчек» (дуэт):

В верхнем голосе (см. 4-й такт) *ми – до*, в нижнем – *ми*. Разница по осциллограмме составляет 52 Гц, что соответствует действительности: *ми* = 329 Гц; *до* = 277 Гц; 329 – 277 = 52.

2-й пример – «Вдоль по речке» (дуэт):

В верхнем голосе – *ля* (см. 2-й такт), в нижнем – *фа*. Вычислим предполагаемую разницу: *ля* = 440 Гц; *фа* = 370 Гц; 440 – 370 = 70. Но в действительности разница колебаний по осциллограмме больше и составляет ~ 80 Гц.

Это указывает на то, что исполнительница берет *фа* немного ниже, что и отмечено в нотах при расшифровке. Очевидно, было бы желательно произвести растяжку записи данной осциллограммы для большей наглядности и удобства визуального подсчета колебаний. Кстати, сейчас имеются специальные частотомеры, которые выдают расхождения звуков автоматически. Если частоты не расходятся, то частота биения равна или близка к нулю.

Таким образом, с помощью прибора для определения диссонансов, который был многократно испытан, производилось уточнение отдельных фрагментов музыкального текста (порой явных, иногда довольно спорных). Мы располагаем достаточным количеством песен в исполнении ансамблей, поющих в унисон и в октаву, в зависимости от конкретного состава голосов, где октавно-унисонная фактура чередуется с постоянными гетерофонными отклонениями отдельных голосов от унисона (эпизодические гармонические расхождения, чаще всего на терцию), возникающими вследствие варьирования напева каждым из исполнителей, преимущественно орнаментального. Происходит как бы непреднамеренное расслоение мелодии на короткое время, в результате чего образуются различные сочетания голосов по вертикали, где терции чередуются с квартами и даже квинтами, как созвучиями гармоническими. Интересно заметить, что элементы гетерофонии появляются в первых куплетах некрасовских песен случайно, не систематически, а затем, от куплета к куплету, возникают все чаще и смелее. Певцы, как бы утвердившись в основной мелодии, чувствуют большую свободу и начинают смелее брать подголосочные звуки (еще не подголосочные мелодии, а отдельные звуки). Таким образом, многоголосная фактура обогащается и уплотняется на протяжении одной песни.

Примечателен тот факт, что общеизвестное свидетельство о многоголосном пении XVI века говорит именно о терцовой структуре созвучий – о той самой структуре, которая складывается в расшифровках некрасовских песен. Сами некрасовцы убедительно заверяли нас, что их пение одноголосно и что все они поют «на один голос». В действительности певцы-некрасовцы, поющие в подголосочном, то есть в многоголосном складе с характерными гетерофонными отклонениями, в своем сознании не придают значения подголоскам, как бы не замечают их, поэтому считают собственное пение в целом одноголосным.

Вариационный принцип воплощается многими певцами интуитивно: исполнитель активно стремится не повторить одну строфу так же, как спел предыдущую. В результате нарастает множество вариационно-интонационных изгибов, что является естественной нормой существования народной песни. Для казаков-некрасовцев при совместном пении наиболее характерен тип вариантной гетерофонии. «Видимо, вариантность в фольклоре, – пишет И. И. Земцовский, – явление не вторичного, а первичного порядка» [8, 92].

При изучении осциллограмм, полученных при помощи «Устройства для определения дис-

сонансов», и при сравнении вариантов некрасовских песен² мы пришли к очень важному выводу: на основе сочетания унисонного и гетерофонного пения в начальных строфах песни происходят случайные, не систематические отклонения голосов от унисона, которые в последующем развитии постепенно закрепляются как знаки исполнительской импровизации и представляют собой единичный вариант данной песни.

В своей работе «Основные композиционные закономерности многоголосия русской народной песни» Т. С. Бершадская отмечает, что «гетерофонное многоголосие характерно для музыки любых областей, какие бы формы в дальнейшем не принимало многоголосие. В гетерофонном многоголосии унисонное движение является преобладающим, содержащим в себе зачатки всех форм развитого многоголосия» [6, 15].

Основу репертуара некрасовцев составляют лирические песни; в них казаки выражали и выражают свои чувства в самых разнообразных условиях быта, что способствовало возникновению многочисленных вариантов текста и напева. В связи с этим специфики в разных жанрах некрасовских песен особенно не видно и хоровые особенности распределены по жанрам более или менее равномерно. Подразделяя жанровые структуры в традиции некрасовских казаков, помимо русских песен, на три сферы (область культовых распевов, турецкая народная песня и частично примыкающие инструментальные наигрыши), которые «контрастны, обеспечивают полноту и насыщенность всей художественной деятельности некрасовцев», А. Иванов и В. Медведева по этому поводу справедливо замечают: «...В то же время собственно песенные жанры представляются подчеркнуто однородными». И далее: «Ее (указанной традиции. – А. А.) ведущий ориентир – лирическая песня» [9, 54, 56].

Из всего сказанного напрашивается, пока предварительно, следующий вывод: некрасовские казаки при хоровом или ансамблевом исполнении поют ранней формой многоголосия (преимущественно *вариантной гетерофонией*³), которая была известна на Дону в момент ухода некрасовцев.

² Нами составлен и прокомментирован (в рукописи) сборник с вариантами некрасовских песен (более ста), из которого приведены здесь фрагменты осциллограмм, естественно, не дающие представления о богатстве репертуара, лада, мелодики и прочего. В основном нас сейчас интересует вопрос изучения многоголосной фактуры некрасовских песен техническими средствами.

³ О том, что некрасовцы «при совместном пении поют в унисонно-гетерофонном стиле», впервые было заявлено в 1973 году председателем Областной фольклорной секции при ОДНТ Е. Т. Аракедьном (см. [3, 20; 4, 2, 128]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракельян А. Применение тренажера в музыкальном обучении // Учебные пособия и дидактические материалы в учебном процессе ДМШ, училища, вуза: состояние и перспективы: Материалы Межрегиональной науч.-практ. конф. – Ростов н/Д: РГК, 1999. – С. 45–56.
2. Аракельян А., Аракельян Е. Из истории казачьей песенной культуры (песни казаков-некрасовцев) // Социальная политика России: история и современность: Тезисы Межрегиональной науч.-практ. конф. – Новочеркасск, 1999. – С. 128.
3. Аракельян Е. О музыкальной культуре казаков-некрасовцев. – Ростов н/Д: Знание, 1973.
4. Аракельян Е. Проблемы многоголосия в песнях казаков-некрасовцев // Музыкальная культура Дона: Материалы обл. науч.-практ. конф. – Ростов н/Д, 1983.
5. Аракельян Е. Технические средства в обучении музыканта // Советская музыка. – 1981. – № 12. – С. 71–72
6. Бершадская Т. Основные композиционные закономерности многоголосия русской народной крестьянской песни. – Л.: Музгиз, 1961.
7. Гиттиус Е. О русской народной подголосочной полифонии в конце XVIII – начале XIX века // Советская этнография. – 1948. – № 2. – С. 86–104.
8. Земцовский И. Современный фольклор древнего Углича // Советская музыка. – 1970. – № 6. – С. 86–99.
9. Иванов А., Медведева В. Вопросы анализа песенных жанров в традиции некрасовских казаков // Современное состояние казачьей песенной традиции и проблемы ее изучения: Тезисы Всерос. науч. конф. – М.: [Б. и.], 1983. – С. 54–56
10. Листопадов А. Песни донских казаков. – М.: Музгиз, 1951. – Т. 3.
11. Листопадов А. Песни донских казаков. – М.: Музгиз, 1953. – Т. 4.
12. Народная устная поэзия Дона: Сб. ст. / Ред. Ф. Тумилевич. – Ростов н/Д: [Б. и.], 1963.
13. Образцы народного многоголосия / Под ред. И. Земцовского. – М.; Л.: Сов. композитор, 1972.
14. Путилов Б. Судьба донской песни // Дон. – 1962. – № 8. – С. 172–176.
15. Руднева А., Щуров В., Пушкина С. Русские народные песни в многомикрофонной записи. – М.: Советский композитор, 1979.
16. Тумилевич Ф. К вопросу о поэтике песен казаков-некрасовцев // Ученые записки историко-филологического факультета РГУ. – Ростов н/Д: РГУ, 1957. – Т. 64. Вып. 5.
17. Тумилевич Ф. Песни казаков-некрасовцев. – Ростов н/Д: Ростиздат, 1947.